

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ТРАВМЫ

Коллективные травмы – личные преодоления. Памяти Татьяны Николаевны Пушкаревой

И. Ю. Романов

Романов Игорь Юрьевич – обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества (стади-группы Международной психоаналитической ассоциации), психолог, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии имени профессора И. Б. Шада философского факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Редактор и составитель сборника «Эра контрпереноса», редактор переводов книг М. Кляйн, Р. Хиншелвуда, Дж. Стайнера и др., руководитель Программы кляйнианских семинаров в Украине, проводимых при поддержке «Мелани Кляйн Траста».

Статья посвящена памяти украинского психоаналитика Т. Н. Пушкаревой и ее вкладу в исследование травматического опыта на индивидуальном и социальном уровне. Предлагается краткий очерк психоаналитических теорий травмы и трансгенерационной передачи травматического опыта. Исследуются трудности психоаналитической техники в работе с травмированными пациентами, и приводится клинический пример такой работы. Утверждается необходимость одновременного внимания к историческому опыту, воспроизведениям в переносе и к бессознательной фантазии. Особое внимание уделено необходимости анализа контрпереноса и разыгрываний в ситуации принадлежности аналитика и пациента общему социальному контексту. В связи с этим рассматриваются вклад психоанализа в понимание и преодоление исторических травм, концепция параноидной переработки скорби и условия социального осмысления травматического опыта, такие как отсутствие экзистенциальных угроз и угроз идентичности. Рассматриваются позитивные примеры осмысления общего травматического опыта и срывы этого процесса в современных Украине и России.

Ключевые слова: Т. Н. Пушкарева, травма, историческая травма, трансгенерационная передача, психоаналитическая теория травмы, социальные защиты и переработка травматического опыта, параноидная переработка скорби.

В этой статье, предваряющей публикации Т. Н. Пушкаревой и П. Фонды, мне бы хотелось поделиться некоторыми личными воспоминаниями о Татьяне и мыслями о тех темах, которые она затрагивает в представленной в этом номере журнала статье. Ее трагическая гибель в прошлом году оставила зияющую рану в украинском психоаналитическом сообществе и в сердцах всех, кто знал ее. Надеюсь, эта публикация станет скромной данью ее памяти.

Мы были знакомы с Татьяной более 20 лет, в течение которых более близкое общение сменялось периодами дистанции и движения собственными путями. Как и большинство психоаналитиков первого «призыва» (что, наверное, характерно для каждой страны), Татьяна была очень лично вовлечена в психоанализ, предана ему, пропускала через себя и имела свою собственную позицию по большинству важнейших вопросов его теории и философии. Не менее важным и, снова-таки, характерным для первого поколения аналитиков был широчайший культурный кругозор Татьяны, который охватывал музыку, поэзию, религию, живопись и многое другое. В сочетании с профессиональными познаниями в области психиатрии, психологии детского развития, общей медицины, психоанализа это делало ее человеком с богатым внутренним миром, часть которого была скрыта от глаз, а другая – щедро делилась с коллегами и учениками. Нет нужды скрывать, что всем нам, людям с долгим и трудным путем в психоанализ, не всегда легко было достигать согласия. Но всегда, когда удавалось, это приносило щедрые плоды (см., в частности, нашу совместную статью, – Романов, Пушкарева, 2000).

Так, в 2000 году совместными усилиями будущих украинских психоаналитиков нам удалось организовать в Киеве Восточноевропейскую конференцию «Как практиковать психоаналитическую терапию в периоды социальной нестабильности»¹. Именно там многие из нас (включая меня и Татьяну) договорились о начале своего психоаналитического обучения. И именно там я впервые услышал размышления Паоло Фонды о коллективных травмах, продолжение которых он предоставил для публикации в этом номере журнала в виде предисловия к статье Татьяны.

Союз Татьяны и Паоло был не только творческим, со временем он перерос в супружеский. Мне приятно и всякий раз неожиданно было слышать, что именно я познакомил этих счастливых вместе людей в 1998 году на конференции в Москве. Их благодарность лишней раз напоминает, что и хорошие дела часто совершаются «чем случайней, там вернее».

Далее я бы хотел обратиться к статье Татьяны, публикуемой в этом номере журнала, и затрагиваемым в ней темам. Для меня также очень важны идеи Паоло Фонды, которые, как мне кажется, стали важным источником размышлений Татьяны.

¹ Это была конференция Восточноевропейского комитета Европейской психоаналитической федерации, который позднее трансформировался в Психоаналитический институт для Восточной Европы им. Хан Гроен-Праккен (2000).

Прежде всего отмечу, что данная статья наилучшим образом подходит для мемориальной публикации. Татьяна начинает ее с очень личных воспоминаний, истории своей семьи, с темы влияния исторических травм на ее собственную жизнь. Затем она предлагает вниманию читателя фрагменты клинического материала, статистических исследований, исторические справки, теоретические обобщения, цитаты из воспоминаний и художественных произведений... Это разноголосие может поначалу сбивать читателя с толку, но, думаю, оно призвано показать многомерность как самого травматического опыта, так и попыток его ухватить, выразить и преодолеть. Следует иметь в виду, что статья писалась на английском языке и первоначально была представлена в виде доклада на конгрессе Международной психоаналитической ассоциации в 2019 году (*Pushkarova, 2020*). Так что представленная здесь версия – обратный перевод, любезно сделанный сыном Татьяны Сергеем Пушкаревым. Кроме того, статья содержит исторические и биографические справки, адресованные иностранному читателю. Мы посчитали неправильным что-либо менять в оригинальной версии статьи. Я сожалею, что, читая этот текст, читатель не сможет по достоинству оценить литературный стиль Татьяны. Однако, думаю, это с лихвой компенсируется содержанием – как научным, так и, повторюсь, очень личным.

Травмы: индивидуальные, коллективные, общие

Ниже я остановлюсь на нескольких темах из статей Т. Н. Пушкаревой и П. Фонды. Это: индивидуальные проявления трансгенерационных травм и технические вызовы в работе с ними; трудности теории трансгенерационной передачи травматического опыта; социальные последствия травм прошлого, защиты от них и способы преодоления.

Известно, что психоанализ начинался как теория травматического происхождения психических расстройств, в рамках которой появилась большая часть технических и теоретических понятий, характеризующих динамический подход к психике: «свободные ассоциации», «сопротивление», «защита», «перенос» и даже «психоанализ». Однако в конце 1890-х годов Фрейд предпринял глобальный пересмотр своей концепции, выдвинув на первый план внутренние конфликты, бессознательные желания и влечения, бессознательные фантазии. Вместе они образовывали ту самую психическую реальность, которая, по мысли Фрейда, определяла нормальное или патологическое психическое развитие. Впервые в развернутом виде этот новый взгляд на психику был сформулирован в эпохальном труде «Толкование сновидений» (1899). Эти нововведения отодвинули травму на второй план (в чем Фрейд не переставали упрекать разные авторы, от Ш. Ференци до Дж. Мэссона, – *Masson, 1984*). Однако произошло это ненадолго, и в 1920-е годы Фрейд снова обращается к исследованию травматического опыта, на сей раз – в поисках решения загадки его навязчивого повторения (Фрейд, 1920).

Это более позднее обращение Фрейда к травматическому опыту, как и разработки других аналитиков, происходило на основе уже сформированного представления о психической реальности, через призму которой преломляются все внешние воздействия. Как отмечает Х. Вайсс: «Психоанализ, – превосходя в этом любую другую область теоретического знания, – никогда не рассматривал травматические переживания как всего лишь последствие внешних событий, но осмысливал их как *взаимодействие внутренней и внешней реальностей*» (Weiss, p. 22). Накопленное понимание движущих сил и механизмов психической жизни позволяло по-новому взглянуть на природу травматического опыта². Отмечу лишь несколько новаций, важных в контексте данной статьи. Заново обращаясь к исследованию травмы, Фрейд вводит *различие между сигнальной и автоматической тревогой*. Первая – сообщает об опасности, давая возможность Эго подготовиться к ней. Вторая – включается в результате того, что опасность застаёт Эго врасплох и работает как испорченная пожарная сигнализация. В этом месте Фрейд вводит Эго в уравнение травматического опыта: *травма травматична в соотношении со способностью Эго справиться с ней*. В этом же контексте появляется и понятие беспомощности, определяющее последующие попытки – иногда отчаянные – взять травматическую ситуацию под контроль. Фрейд, как и другие аналитики, не переставал обращать внимание на то, что *опасности*, угрожающие психической стабильности, исходят как от внешнего мира, так и *изнутри, от базовых человеческих влечений*. Травматичными оказываются «горестные встречи» (как назвал их А. Грин; цит. по: Жанен, 1995), фантазии и реальности: эдипальные желания встречаются с сексуальным злоупотреблением, агрессивные импульсы – со смертью и насилием и т. д. Одним из последствий становится *страх перед психической реальностью*, желаниями и фантазиями, попытки их контролировать и следующее за этим уплощение душевной жизни (Garland, 1998; Britton, 2015).

Когда мы размышляем над коллективным травматическим опытом, таким как война или репрессии, провести границу между индивидуальным и социальным измерениями практически невозможно. Характерно, что новое обращение Фрейда к теме травмы происходит в годы Первой мировой войны и вскоре после нее. Как пишет Фрейд, война разрывает наш договор со смертью, разрушает иллюзию, что умирают другие (Фрейд, 1915). Общими становятся как уязвимость, так и защиты от нее. *Регрессия групп к параноидно-шизоидному функционированию*, с характерным для него расщеплением на «своих» и «чужих», с идеализацией одних и дегуманизацией других – один из весьма заметных механизмов (Фонда, 2000; Фонда, 2017). Использование для его поддержания *пропаганды*, перевознящей агрессию и жертвенность, маниакально отрицающей вину, возгоняющей параноидные тревоги (Money-Kyrle, 1941) – еще один заметный признак. Все это, как и многое другое, можно отнести к категории

² Хотя при обращении Фрейда и других аналитиков к травматическому опыту происходит и обратный процесс – переосмысления теорий психики в свете этих исследований (Май, 2017).

«социальных защит и защитных систем», впервые подробно описанных Э. Джексом (*Jaques, 1955*). Они образуют некую оболочку, оберегающую индивидов как от внешних травматических воздействий, так и от погружения во внутренние психотические тревоги – страхи преследования, распада, преследующую или депрессивную вину.

Поскольку такие защитные стратегии препятствуют индивидуальной и коллективной переработке травматического опыта и сопутствующих ему переживаний, эта задача зачастую передается следующим поколениям. Не факт, что они смогут с ней справиться, а не унаследуют скорее привычные способы избавляться от боли, вины и тревоги – именно в этом контексте Ф. Форнари писал, что зачастую новая война начинается из-за неспособности общества вынести груз вины за войну предыдущую (*Fornari, 1975, p. 165*)³. Однако надежда на это заставляет группы надеяться на контейнирование следующим поколением – процесс, напоминающий использование ребенка как контейнера для тревог матери, названный Г. Розенфельдом «осмотическим давлением», а Дж. Уильямс – «омега-функцией» (*Rosenfeld, 1987; Williams, 1997*). Именно так многие авторы объясняют феномен трансгенерационной передачи травматического опыта.

Некоторое время назад на страницах журнала *Psychoanalytic Quarterly* разразилась дискуссия о концепции трансгенерационной передачи травматического опыта в целом и, в частности, опыта выживших жертв Холокоста (*Gomolin, 2020a; Gomolin, 2020b; Kogan, 2019*). Американский психоаналитик Р. П. Гомолин изучила 55 отчетов о клинических случаях, подтверждающих, по мнению авторов, концепцию трансгенерационной передачи опыта жертв Холокоста, а также рассмотрела историю возникновения и распространения данной психоаналитической концепции. Ее выводы звучали довольно неутешительно: «В какой-то момент в изучении этих работ я стала чувствовать, что пациенты были пойманы в рамки представлений и убеждений клиницистов, которые их лечили. Когда дети выживших представляли проблемы, связанные с агрессией и пассивностью, они всегда были связаны с *интернализацией нацистского агрессора*. Депрессия всегда была связана с *неспособностью скорбеть*, а ослабление Эго всегда было следствием *непознаваемости* Холокоста. Мне казалось маловероятным, что связь между каким-либо данным набором симптомов и травмой может быть так четко сформулирована. Также не казалось вероятным, что определенный набор исторических интерпретаций мог бы освободить этих пациентов от устойчивых симптомов, преследовавших их в жизни, как предполагали многие авторы.

Помня о том, что одно из центральных предположений этой теории заключается в том, что *Холокост непознаваем*, поразительно, что в стольких статьях теоретики заявляют о знании интимных психических процессов,

³ Н. Эппле описывает результат отказа общества от осмысления болезненного прошлого как превращение лозунга «Никогда снова» в свою противоположность «Никогда/Снова» (Эппле, 2020, с. 19).

которые, по их собственному признанию, недоступны никому. <...> Теория интергенерационной передачи переносит прошлое в настоящее и будущее, создавая значения (через симптомы), которые будут продолжать выходить за пределы времени» (Gomolin, 2020b, p. 485–486).

В работах Гомолин поднимается важный вопрос о механизмах трансгенерационной передачи, об участии в них макро- и микросоциальных процессов. Более или менее разделяемая точка зрения заключается в том, что «повреждение оставляет *постоянные следы* или *молчащие зоны забвения* в психике» (Weiss, 2020, p. 235). Но как быть с ситуациями, когда травма не забыта, а напротив, постоянно вспоминается? Всякое ли говорение о травме способствует переработке травматического опыта? В дискуссии вокруг работ Гомолин были затронуты фундаментальные вопросы – технические, теоретические, а также те, что выходят далеко за пределы психоанализа. Насколько важно аналитику в работе с травмированными пациентами оставлять работу в текущем моменте переносных отношений ради реконструкции индивидуальной – а в случае трансгенерационной передачи и коллективной – истории? Насколько социальный контекст – например, размышления о трагедии Холокоста, – может заужать клиническое видение аналитика, а насколько, напротив, является необходимым расширением, социальным контейнером, без которого осмысление индивидуального травматического опыта всегда будет оставаться неполным? Гомолин не отрицает сам факт трансгенерационной передачи травмы, но демонстрирует, насколько коллективные формы защиты от нее могут оказывать ограничивающее влияние на клиническое мышление. Одной из таких защит она считает формирование коллективной идентичности на основе т. н. «*избранной травмы*». В. Волкан, автор данного термина, пишет: «...[Я] полагаю, что большая группа, как и индивид, совершает, можно сказать, бессознательные "выборы". Большие группы могут переносить любое количество травм в своей истории, но лишь некоторые из этих травм продолжают жить десятилетиями или веками. Лидеры большой группы, рассказчики и поэты "мифологизируют" истории, связанные с травматическим событием предков, драматически распределяя роли героев и злодеев, чтобы история стала более возвышенной» (Волкан).

Вряд ли на эти вопросы существуют простые ответы. Однако я вернусь к их обсуждению после нескольких примеров из социальной жизни и клинической работы.

Клинический пример

В каком материале и каким образом мы можем заметить влияние травм предыдущих поколений на наших пациентов? И как мы можем с этим обращаться?

Мне бы хотелось поразмышлять над этими вопросами, опираясь на один клинический пример из собственной работы. Пациент, которого я назову О, в возрасте за 40, в ходе длительного анализа жаловался на тяжелые депрессии, сопровождавшиеся ощущением чего-то мертвого внутри

и вокруг него. В одном из сновидений О увидел женщину, которой подали блюдо, приготовленное из ее убитого ребенка. Его ассоциация была такой: нет большей трагедии, невозможно представить ничего более непоправимого. Дальнейшие ассоциации вели к теме Голодомора, жертвами которого были отец О и его семья, и к истории матери, которая не страдала от голода, но рано потеряла свою мать и часто вспоминала образ ее мертвого тела. Мать пациента была довольно успешным, но очень тревожным человеком, часто пугавшим О рассказами о потере своей матери и других, не менее драматичных утратах членов семьи. Всю жизнь О страдал от ужасных сепарационных тревог, которые переживались им конкретно, как отрывание кусков тела. Параллельно с этим он часто боялся вторжения объектов – наблюдения, воровства, навязывания, – будучи при этом довольно психологически вторгающимся человеком для своих близких. В одном из первых сновидений в анализе в рот О проникал огромный сосок женщины, его старшей коллеги.

Что можно сказать об этом материале (который я, конечно же, подаю весьма сокращенно)? Очевидно, что симптомы, фантазии, сновидения, черты характера пациента не являются слепком истории его родителей или событий, с ними приключившихся. Они – результат сгущений и искажений, проективно окрашены детскими тревогами и фантазиями. Я понимаю тему вторжений как детское переживание пациентом себя как контейнера для проекций непереработанного травматического опыта родителей, прежде всего матери. Как может ответить на это детская психика? В случае О – ответным изгнанием, постоянным использованием механизма проективной идентификации вторгающегося типа. С этой точки зрения поедание ребенка во сне – комбинированный образ. Он соединяет «каннибалистический» импульс ребенка (по Фрейду и Абрахаму), страх вторжения мертвого объекта и – образы, пришедшие из семейной и национальной истории, мифологии, кинематографа и т. д. Мертвые части себя и своих объектов, переживаемые вполне конкретным образом внутри тела и психики пациента, требуют внешних объектов для их изгнания, в идеальном случае – контейнирования, но всегда – для оживления и хотя бы частичного восстановления. И это делает О столь нуждающимся в объектах, часто неудовлетворенным, отчасти спутанным с ними, и всегда – с мучительной невозможностью расставаться.

На более продвинутой стадии анализа на первый план вышли протестные импульсы О, стремление к автономии, борьбе за справедливость (с трудом и постепенно отличаемую от зависти) и сопровождающие их стыд и вина. Последние часто ассоциировались им с судьбой отца – сына репрессированного врага народа, подвергавшегося остракизму со стороны взрослых и сверстников, но позднее упорно боровшегося за реабилитацию своего отца. Идентификации с пристыженным и напуганным отцом и с дедом в застенках НКВД возникали в сновидениях, фантазиях и весьма конкретных физических симптомах пациента, а со временем сменились пронзительным сочувствием к отцу и деду – преходящими и частичными идентификациями. На этом этапе О захотелось восстановить

в деталях и рассказать другим историю своей семьи. Но также она постоянно рассказывалась/разыгрывалась в переносе, где привычное затопление меня историями о смерти и мучениях сменялось попытками защитить и меня, и свои внутренние объекты. Каждый шаг в развитии – которое в этот период отчетливо наблюдалось в личной и профессиональной жизни О – сопровождался страхами «позорного столба» и «каменного мешка», катастрофической неспособности защитить и защититься.

Важно отметить значение, которое имела на этом этапе анализа О «починка способности к репарации» (Weiss, 2020). Последняя все больше смещалась от маниакальных форм к более бережным и трудным. Интересно, что сама способность к репарации стала восприниматься О как дар родителей, оказавшихся способными преодолеть гораздо более тяжелые жизненные обстоятельства, чем выпали на его долю. В этом процессе происходили сбои и восстановления: например, О видел сон, в котором делает что-то руками вместе со своей коллегой, но совместная работа соскальзывает к чему-то сексуальному; в этот момент сна появляюсь я и мешаю происходящему. Мое появление во сне, как и мои интерпретации на сессии, О с легкостью воспринимал как обнаружение в нем неисправимых дефектов, одновременно с требованием исправить их ради меня. Интерпретации, касающиеся трансгенерационного происхождения этих переживаний – например, как исходящего от матери требования маниакально «вылечить» ее депрессию, – легко возникали в моей голове. Но я считал важным до поры до времени «придерживать» их – как минимум до той поры, пока ситуация не будет в полной мере прожита и понята в переносе. Уход от этой работы казался мне не только защитным контрпереносным избеганием, но и предложением О еще одной «поломанной» формы репарации – через легко принимаемый исторический нарратив. Реакции О подтверждали, что это ведет лишь к отщеплению катастрофических переживаний и фантазий об объектных отношениях

Обсуждение клинического материала

Стоит чуть более подробно рассмотреть вопрос о теоретических и технических вызовах, которые возникают у нас при столкновении с такого рода историческим материалом пациента. А также – при его возникновении в наших контрпереносных мыслях, чувствах и теоретизациях. Не уходим ли мы от непосредственности наших отношений с пациентом, увлекаясь его историей и даже праисторией (об этой опасности не переставала предупреждать Б. Джозеф, а сегодня напоминает М. Фельдман, – *Joseph, 1975; Feldman, 2007*)? С другой стороны, не грозит ли сосредоточенность на текущем моменте отщеплением прошлого и забвением памяти (о чем настойчиво предупреждает В. Болебер и на что многократно указывал Г. Этчегоен, – *Bohleber, 2018; Etchegoen, 1982*)? Разные авторы дают противоположные ответы на этот вопрос (Пик, 2017; Болебер, 2007). Мне эта дихотомия кажется особенно искусственной именно в применении к травматическому опыту. Вайсс пишет: «Поскольку травма не знает ни времени, ни места, она повсюду

и нигде. Она захлестывает настоящее прошлым, которое никогда не проходит, и не имеет будущего, поскольку является бесконечным повторением одного и того же» (Weiss, 2020, p. 21).

Конкретное решение в каждом индивидуальном случае всегда будет сложным и неоднозначным выбором. Память является активным процессом, психической деятельностью, тесно связанной с мышлением, прогнозированием, воображением. Она постоянно соотносит прошлое с настоящим и будущим, и то, что может дать психоанализ, – это не точное «восстановление прошлого» и не его «забвение», но оживление работы памяти вместе с работой скорби⁴. В конце концов, что-то подобное имел в виду Фрейд, утверждая, что анализ заменяет воспроизведение воспоминанием. Я бы добавил, что он заменяет искаженное воспроизведение искаженных воспоминаний более ясной, хотя и нестатичной, картиной прошлого. И – готовностью к более открытому и непредвзятому восприятию настоящего.

Как достигать этого технически, вопрос «тактики и такта» (пользуясь удачным выражением Д. Мельцера). Часто в моей работе с О на первом плане был анализ разыгрываемых им паттернов отношений: вторжений и защит от них, эвакуации поврежденных объектов, страха и возбуждения агрессии и т. д. Когда эта работа удавалась, О чувствовал огромное облегчение, ощутимые сдвиги в своем состоянии – говорил, что я почти физически «держал в руках его душу». В другие моменты мы погружались в мир его фантазий, в третьи – пытались восстановить историю, и зачастую рассказ об истории и праистории был единственным способом О сообщить о том, что происходит в его психике. Исследование повторений травматического опыта в переносе чрезвычайно важно потому, что такое повторение – его сущностная черта. Оно имеет множество объяснений: действие влечения смерти (к чему пришел Фрейд), принцип тождества и избегание неожиданного (Фрейд, Фельдман), взятие ситуации под контроль, избегание беспомощности (Фрейд, Бибринг), проекция невыносимых переживаний и дистанцирование от них (Фрейд, Кляйн)... Но еще и «удовольствие от повторения плохого обращения», как назвала это И. Бренман Пик (Пик, 2017), что в случае О было особенно важно отличать от поиска контейнирования и надежды на него.

В обсуждении статьи И. Коган об анализе пациентки со следами трансгенерационной передачи травматического опыта Ч. Бреннер и А. Ферро обсуждают клинические и технические трудности такой работы (Kogan, 2003; Brenner, 2003; Ferro, 2003). Оба автора подчеркивают опасности чрезмерного увлечения теорией трансгенерационной передачи, которая – как, отметим, и всякая предубежденность аналитика – может препятствовать более непредвзятому исследованию психической жизни пациента. Отмечая безусловный профессионализм и успешность работы Коган,

⁴ В курсах общей психологии и психологии памяти в мои студенческие годы разговор всегда начинался с определения: память – это психическая деятельность, состоящая из процессов запоминания и забывания...

они тем не менее предлагают свои варианты технических решений. С опорой на эго-психологическую модель психического функционирования Бреннер указывает на необходимость анализа дериватов сексуальных и деструктивных влечений, защит и компромиссных образований, которые не перестают определять патологию пациента, несмотря на пережитый им травматический опыт. Ферро использует собственную модель, основанную на идеях У. Биона и теории поля, в которой важнейшим элементом техники является совместное конструирование нарратива в каждой сессии и анализе в целом. Этой цели лучше всего служат не исторические реконструкции, к которым часто прибегает Коган, а «ненасыщенные интерпретации». Интересно видеть, как из этих точек зрения вырастают разные оценки и рекомендации в отношении одной интервенции Коган – прямого ответа на вопрос пациентки о комнатном растении в кабинете: почему оно сегодня выглядит большим? Коган полагает, что пациентка с трансгенерационным травматическим опытом, а также с опытом невозможности его обсуждать не доверяет своим чувствам и нуждается в подтверждении. Что аналитик и делает, говоря пациентке, что в ее кабинете появилось другое растение. Бреннер полагает такой ответ «утешением» и пишет о необходимости аналитически исследовать происхождение такого недоверия пациентки своим чувствам, ее образа матери, отрицающей восприятия ребенка и т. д. Ферро, напротив, находит данный ответ Коган более полезным, чем ее предшествующие интерпретации в контексте трансгенерационной травмы. Он в большей мере способствует созданию общего поля, в котором могут появиться новые репрезентации, в том числе и травматического опыта.

Думая о своей работе с О, я понял, что могу вспомнить интервенции любого из предложенных в дискуссии типов. Выбор зависел скорее от моего понимания текущей ситуации и возможностей пациента, чем от концептуальных предпочтений. Внутренние и внешние факторы, настоящее, история и праистория переплетаются в жизни пациентов, и в более или менее успешном анализе для всего этого должно быть найдено место. В отношении травмы это тем более верно. Все авторы, пишущие о пациентах, переживших тот или иной травматический опыт, отмечают проблему трудности его репрезентации. Иногда это означает умалчивание, но иногда пациент может обладать репрезентациями, пришедшими из семьи, общества или от аналитика, которые тем не менее не наполнены для него личностным смыслом. В анализе этот смысл может быть обнаружен, но вряд ли успех этого предприятия так уж сильно зависит от того, что конкретно сказал аналитик в ответ на то, что конкретно сказал пациент. Думаю, гораздо важнее то, что М. Кляйн назвала «аналитической установкой» (Стайнер, Кляйн, 2021). Ее поддержание, а также возвращение к ней из неизбежных контрпереносных разыгрываний (в том числе ретравматизирующих) являются фундаментальным фактором эффективности психоаналитической работы. И поскольку это так, общая история и социальный контекст, к которому принадлежат оба участка аналитического процесса, приобретают особое значение при столкновении с историческими травмами в наших кабинетах.

Наблюдения за социальной динамикой

Как я уже написал выше, в изучении влияния коллективного травматического опыта на индивида невозможно строго различить индивидуальную и социальную динамику. Способы переживания травматического опыта, его мемориализации, вырабатываемые социальные защиты и способы переработки – все это влияет на общество в целом, на отдельные группы и подгруппы, на индивидов. Исследования исторических и коллективных травм сегодня складываются в сложное междисциплинарное направление, в рамках которого сотрудничают историки, социологи, психологи, психоаналитики и т. д. (Травма ... , 2009; Карут, 2017; *Leo*, 2015; *Wale*, 2020). Объектами изучения становятся способы преодоления травматического прошлого в разных обществах (Кениг, 2012; Эппле, 2020; Лезина, 2021), «политики памяти» (Касьянов, 2010; Методологические ... , 2018; Политика ... , 2020) и «эстетика памяти» (*Sontag*, 2013), формирование и подрыв исторических нарративов (Рикер, 2004), следы исторических травм в современности (*Volkan*, 2002; Подорога, 2017) и многое другое. Влияние психоаналитических концептуализаций на эти исследования ощутимо, хотя и не всегда очевидно. Собственно психоаналитические работы касались разных аспектов темы, среди которых я бы выделил: посттравматическое состояние общества, социальные механизмы защиты и переработки травматического опыта; социальные реакции на текущие травмы; формирование групповой идентичности в тени «избранной травмы». И конечно, важнейшей темой остается влияние социального контекста на возможности и трудности преодоления травматического опыта индивидом (Капур, 2019).

В своем обсуждении доклада А. Вучо «По ту сторону бомб и санкций» П. Фонда использует понятие «параноидной переработки скорби», введенное в оборот Ф. Форнари в книге «Психоанализ войны» (им также пользуется в своей статье Т. Н. Пушкарева) (Фонда, 2000; *Fornari*, 1975, р. XVIII). Оно описывает попытки справиться с болью вины посредством проекции – «виноваты другие» – и по сути является именно тем механизмом, который питает войну. Применяя эту концепцию к описанию переработки обществом травматического опыта, П. Фонда пишет: «Если упор делается на слове "они", может показаться, что нацисты, фашисты, коммунисты и т. д. были инопланетянами, которые прилетели из космоса и туда же потом скрылись. Верно, что "мы" не сотрудничали и не соглашались с "ними". Но если все мы гордимся поэтами, учеными и героями своей нации, так же точно мы должны делить стыд и вину за "наших" преступников, при этом правильно отличая их роль от нашей» (Фонда, 2000). Кажется очевидным, что на определенных этапах, при чрезмерной интенсивности травматического опыта такого рода расщепления и проекции неизбежны. Кто-то даже мог бы назвать их вслед за М. Кляйн «нормальным расщеплением» – нормальным для хрупкого Эго или коллективной идентичности и для чрезмерного уровня психической боли. Проекция собственной деструктивности во внешние объекты призвана защитить хорошие внутренние объекты – в этом, как отмечает Форнари,

заключается защитный и внутренне «обязывающий» характер войны как таковой. Однако, затянувшись, такой процесс все больше обнаруживает свою патологическую деструктивную изнанку. Форнари отмечает: «Если война основана на параноидной переработке скорби, то антивоенный процесс кажется тесно связанным с ее аутентичной переработкой, при которой истоки скорби прослеживаются вплоть до ощущения, что мы сами суть причина разрушения наших объектов любви» (Fornari, 1975, p. 189). Несколько раньше и более прямолинейно выразил эту мысль Э. Гловер: «Если бы психолог был вынужден кристаллизовать в одной формулировке опыт прикладной индивидуальной психологии, чтобы одной фразой обозначить панацею, которую его наука может предложить охваченным войной видам, такая фраза, возможно, приняла бы форму новой шестой заповеди: *знай свой собственный (бессознательный) садизм*» (Glover, 1933, p. 46; курсив автора). Наверное, важным дополнением было бы: *знай свою меру вины и ответственности*.

Что может значить упомянутая Форнари «аутентичная переработка»? При каких условиях она возможна и что, напротив, ей мешает? Фонда многократно подчеркивает невозможность выполнить такую работу досрочно. В своем предисловии к публикации Пушкаревой он пишет: «... [Б]ольшим группам, таким как народы, необходимо выждать подходящее время, чтобы появилась возможность раскрывать ужасы собственной истории. <...> Множеству европейских народов потребовались десятилетия для того, чтобы выявить во всем эмоциональном измерении невыносимую боль, связанную с пережитыми травмами» (Фонда, 2000). Вот как пишет о том же Х. Вайсс: «Фундаментальный вопрос здесь – это *проблема возвращения истории и памяти*. <...> Однако чувствам вины необходимо место, где их можно контейнировать и таким образом делать более выносимыми. Но самое главное, чтобы их проработать, нужно *время*» (Weiss, 2020, p. 38). Но можно поставить вопрос: *сколько времени?* Как определить, что разговор об исторических травмах, вине и боли на зрел и что для него также есть *место*? Какого рода разговор это может быть? И как не *упустить* время?

Российский историк Н. Эппле в книге «Неудобное прошлое» описывает опыт различных стран в осмыслении болезненного прошлого (Эппле, 2020). Этот опыт, по его мнению, никогда не бывает простым и линейным. Приводя пример эвенкской легенды о возвращающихся призраках убитых, он отмечает: «Непроработанное прошлое создает разрывы в социальной ткани, готовых механизмов уврачевания которых не существует» (Эппле, 2020, с. 113). Наиболее изученным и в чем-то «модельным» может выглядеть опыт послевоенной Германии, но и тут не обходилось без волнообразных подъемов и спадов в признании болезненных моментов собственной истории (Кениг, 2012). Однако немецкая ситуация уникальна тем, что период власти национал-социализма был сравнительно

недолог, его разрушительные последствия очевидны, а признанию ответственности помогло внешнее юридическое обвинение⁵. Если же говорить о государствах, образовавшихся после распада СССР, то здесь можно заметить несколько тенденций в «политике памяти». Первая, иллюстрируемая Эппле на примере России, заключается в сворачивании осмысления болезненного прошлого и фальшивом «замирении» противоборствующих сторон и противоречащих интерпретациях (Андреевский флаг, сталинский гимн и т. д.), в идее величия державы и ее истории. Думаю, как раз это решение Форнари и Фонда называют маниакальным: «Никто не виноват, пора перевернуть страницу». Вторая, легко принимаемая в Украине и некоторых других странах, опирается на антиколониальную риторику: «Мы были поработаны и теперь освобождаемся». Несложно увидеть в этом признаки описанной выше параноидной переработки: «Виноваты другие». «Войны памяти», происходящие прямо сейчас вокруг мемориала «Бабий Яр» и Музея Голодомора, демонстрируют, насколько острым может быть противостояние в поиске этих самых «других» (Касьянов, 2021а; Касьянов, 2021б). Проблемы выглядят тем более сложными, что привилегированность позиции жертвы сегодня – общемировая тенденция (Романов, 2021). Третья особенность, более или менее общая для всех, это формирование идентичности на основании «избранных травм». В этом процессе очень заметен эффект фрейдовского последствия (*Nachträglichkeit, apres-coup*), когда травматичность травматического события – войны, революции, распада СССР и т. д. – формируется или как минимум усиливается рекурсивными возвратами в прошлое ради желаемого будущего (Кафка, 2007). Сколько бы ни возражали историки против политического использования прошлого, в этом процессе оно неизбежно.

Можно ли что-то противопоставить этим защитным уклонениям от осмысления травматического опыта, от осознания меры собственной ответственности – если не за преступления прошлого, то за умолчание и повторение? Каковы условия возможности такого разговора о прошлом и с прошлым? Мне приходят на ум два проекта, которые осуществлялись в Украине совсем недавно, но сейчас кажутся невозможными. Первый – документальный фильм «Три истории Галичины» режиссеров Сары Фарат и Ольги Онищенко, рассказывающий три разные, очень личные истории времен Второй мировой войны: польскую, украинскую и еврейскую (см. ссылку в конце статьи). Истории эти не только разнятся между собой, но парадоксальны каждая в себе: женщина из УПА, освобожденная при помощи сотрудника КГБ; еврейская семья, спасенная

⁵ Интересно, что некоторые психоаналитики, такие как Р. Мани-Керл и Ф. Форнари, и философы, как К. Ясперс, опасались, что юридическое оформление «немецкой вины» затруднит процесс принятия моральной ответственности, вызовет обратную реакцию отрицания и «параноидной переработки», а также помешает осознанию вклада в трагедию Второй мировой войны людей и государств, не осужденных трибуналом. Однако, как показала история, эти опасения скорее не оправдались.

украинской женщиной, а затем помогавшая ее сыну, бывшему полицая; польский священник, восстанавливающий вместе с украинцами польские кладбища на Волини... Важно, что авторы не ограничились показом фильма, а провели серию его обсуждений на разных площадках и в разных местах Украины, создали интернет-платформу и т. д.

Другим проектом, выполняющим сходную задачу, был проект интернет-издания «Украинская правда» «1939–1945. Неписаная история. Расскажите, как ваша семья пережила Вторую мировую» (см. ссылку в конце статьи). В его рамках свидетели и потомки делились личными и семейными историями об опыте войны, очень разном для разных регионов Украины, но одинаково трагичном. Можно было заметить, что при всех различиях истории и ее интерпретаций личностный уровень коммуникации вызывает гораздо больше сочувствия, понимания, готовности идентифицироваться с чужими судьбами. Кроме того, поскольку он никогда не бывает настолько однозначным, как того требуют идеологические курсы, его довольно трудно загнать в цели политической пропаганды.

К сожалению, сегодня в Украине трудно найти подобные инициативы. И это вполне понятно. В ситуации *экзистенциальной угрозы* рефлексия и диалог невозможны. В этом, на мой взгляд, содержится один из важнейших ответов на заочный вопрос, который я адресовал П. Фонде и Х. Вайссу: сколько времени нужно, чтобы начать осмысление болезненного прошлого, и как определить, что уже пора? Один из ответов: нужно время (и работа), чтобы перестала существовать экзистенциальная угроза обществу или группе. Но не менее, а может быть, и более важно, чтобы не была чрезмерной *угроза идентичности*. В современном Израиле, где угроза войны или террористических атак ощущается постоянно, несмотря на это можно найти впечатляющие примеры диалога и осмысления болезненного прошлого и настоящего – по-разному болезненного для разных сторон (Gampel, 2001; Gampel, 2015; Hadar, 2009; Frosh, 2009). В чем-то вопрос о своевременности напоминает условия для перехода от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции по Кляйн: должен быть накоплен позитивный опыт заботы и смягчения тревог окружением, и должно развиться достаточно сильное Эго, способное накапливать позитивный опыт и интегрировать его с негативным. До выполнения этих условий расщепление является нормальным механизмом, после – патологично и мешает здоровому развитию. В ситуации групповых и социальных процессов эти условия дополняются *требованием сохранения идентичности*, утрата которой иногда выглядит более страшной, чем смерть.

Это размышление подводит меня к еще одному вопросу – о «месте» осмысления невыносимого прошлого. Х. Вайсс называет это место «Супер-Эго», имея в виду, что моральное, но не морализирующее суждение, «нормальное» Супер-Эго, способное не только карать, но и миловать, может контейнировать болезненный опыт и вернуть Эго самоуважение (Weiss, 2020, p. 41). Здесь возникает сложный вопрос, одновременно терминологический и концептуальный. Если мы связываем любую вину с Супер-Эго, мы, конечно, должны различать здоровую и патологическую его ипостаси. Но если мы, вслед за Кляйн, полагаем разделение на плохой

и хороший объект, плохой и хороший опыт, плохие и хорошие действия фундаментально важным шагом нормального развития, то, вслед за Х. Сигал, мы можем думать, что их различие – функция скорее Эго, чем Супер-Эго (Segal, 2007, p. 233). Конечно, в общественных дискуссиях вопрос вины и ответственности чрезвычайно важен. Однако, если мы говорим о мыслительной и эмоциональной переработке травматического опыта, мы должны сместить фокус своего внимания с обвинения к моральной и даже метафизической вменяемости, к естественной морали от морализации. А это, как полагал К. Ясперс, возможно в атмосфере дружеской беседы, а не морализаторских суждений Супер-Эго (Ясперс, 1999).

В уже упомянутой книге Н. Эппле отмечает, что успешные продвижения по пути осмысления тяжелого прошлого происходят не в рамках сугубо морального дискурса, а «всегда вплетены в политическую и экономическую прагматику» (Эппле, 2020, с. 17). Думаю, это объясняется тем, что любое Супер-Эго всегда обладает потенциалом превращения в «Эго деструктивное» и потому Эго требуется дополнительный бонус за трудную работу по осмыслению травматического опыта и подчинение моральным суждениям.

П. Фонда пишет: «Мы можем продолжать жить в своих домах, потому что хороним наших дорогих мертвецов в специально отведенных местах – на кладбищах. У каждой нации и у всего человечества должны быть специальные места в памяти, чтобы хоронить ужасы войны и совершенные преступления и время от времени возвращаться к ним, чтобы их прорабатывать – со временем это становится посильным – и, отдав должное скорби, включать их в свой образ. Только так можно сохранить в себе истинную человечность. Возможно, мы откроем, испытав катарсис, что пространство стыда и боли – это та почва, на которой может произойти настоящая встреча отдельных людей и групп и где можно установить глубокие и искренние взаимоотношения, которые позволят нам действительно жить вместе, а не просто терпеть друг друга» (Фонда, 2000). Эти слова кажутся мне точным описанием «места», в котором может происходить контейнирование травматического опыта. Единственное, что я хотел бы добавить, это мысль об опасности как преждевременного, так и запоздального обращения к этим «местам памяти». Думаю, это также имеет в виду и П. Фонда, когда пишет в предисловии к публикации Т. Н. Пушкаревой о «замороженных контейнерах».

Заключение

Столкновение с травматическим опытом всегда было вызовом для психоаналитической теории. И всегда остается вызовом психоаналитической технике. Это особенно верно для ситуаций коллективных травм, общих для пациента и аналитика, помещающих их в единый исторический и социальный контекст. В этом процессе участники аналитического процесса могут разделять общие защиты от травматического опыта, в чем таится опасность, но могут и приходиться к более полному пониманию как своей предопределенности болезненным прошлым, так и возможностей, пусть

и всегда ограниченных, с этим прошлым расставаться. В этом заключена надежда.

Основной вывод данной статьи, как и работ П. Фонды и Т. Н. Пушкаревой, заключается в том, что мы, аналитики, не можем считать себя свободными от травм общества, частью которого являемся. К этой ситуации в высшей степени применима максима У. Биона о необходимости для аналитика «мыслить под огнем». Наше аналитическое мышление может повреждаться «радиоактивной идентификацией» с травматическими переживаниями (*Gampel*, 2001, р. 149–150), или же мы можем занять позицию «сурового мужика», неуязвимого перед их лицом (Капур, 2019), – плохих возможностей довольно много. Но есть и хорошие. В клинической работе они возникают благодаря пристальному вниманию к контрпереносу, его разыгрываниям, к слепым пятнам и ложным очевидностям в нашем восприятии пациента. Но мы не живем исключительно в наших кабинетах. Осмысление травматического прошлого – задача всего общества и прежде всего интеллектуалов, которые понимают его воздействие на индивидов и группы. В этом смысле аналитики способны включиться в более широкие дискуссии с участием историков, философов, социологов и т. д., как это делали наши предшественники и продолжают делать современники. Нашим преимуществом является то, что мы знаем не только нечто о патологическом воздействии травм, но и о возможностях разговора, который их лечит. Более того, общие травмы – исторические и прямо сейчас происходящие – делают молчание «настоящим преступлением» (*Segal*, 1987). *Общественная* польза такой активности аналитиков сегодня убедительно демонстрируется некоторыми историками (*Shapira*, 2013). Но существует гораздо более убедительное доказательство *клинической* пользы участия психоаналитика в общем осмыслении травматического опыта – проработка контрпереноса, восстановление аналитической позиции открытости и участвующего понимания.

ИСТОЧНИКИ

1. Список электронных публикаций психоаналитических работ о травме: <https://bit.ly/3to4Vx1>
2. «Три истории Галичины»: <https://www.youtube.com/watch?v=Nws4Yqf-Lzg>; <https://www.youtube.com/watch?v=7VI647Ge9Ew>
3. «1939–1945. Неписаная история. Расскажите, как ваша семья пережила Вторую мировую»: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/04/19/4945068/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болебер В.* (2007) Воспоминание, травма и коллективная память: Битва за память в психоанализе. <http://psychoanalysisikharkov.com/воспоминание-травма-и-коллективная-п/>

2. *Бренман Пик И.* Лики травмы: между личностным и социальным. «Удовольствие» передавать плохое обращение. Доклад на Кляйнианском психоаналитическом семинаре, Киев, 2017. <http://psychoanalysiskharkov.com/лики-травмы-между-личностным-и-социал/>
3. *Волкан В.* Влияние массовой травмы. <https://psychoanalysis.by/2019/05/09/влияние-массовой-травмы/>
4. *Жанен К.* Травматизм, реальность и история: клинические и эпистемологические аспекты. Выступление на 6-м Восточноевропейском психоаналитическом семинаре 21-24 сентября 1995 г. (Констанца, Румыния). <http://psychoanalysiskharkov.com/травматизм-реальность-и-история-клин/>
5. Как практиковать психоаналитическую терапию в периоды социальной нестабильности: Материалы Восточноевропейской психоаналитической конференции Восточноевропейского комитета Европейской психоаналитической федерации, Киев, 2000 г. (<https://bit.ly/3EXsLW2>)
6. *Калмыкова Е.С.* Реконструкция психической травмы: восстановление связи времен и событий // Журнал практической психологии и психоанализа, 2003, № 3. (<https://psyjournal.ru/articles/rekonstrukciya-psihicheskoy-travmy-vosstanovlenie-svyazi-vremen-i-sobytiy>)
7. *Капур Р.* (2019) Отчаяние и инстинкт смерти: куда повернуть? <http://psychoanalysiskharkov.com/отчаяние-и-инстинкт-смерти-куда-повер/>
8. *Карут К.* Почути травму. Розмови з провідними спеціалістами з теорії та лікування катастрофічних досвідів. К.: Дух і Літера, 2017.
9. *Касьянов Г.* Dance macabre: голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 2000-х). К.: Наш час, 2010.
10. *Касьянов Г.* Еврейский вопрос. Почему Бабий Яр 80 лет спустя остается территорией войны идей и смыслов // Фокус. 29.09.21 (<https://focus.ua/opinions/493965-evreyskiy-vopros-pochemu-babiy-yar-80-let-spustya-ostaetsya-territoriey-voyny-idey-i-smyslov>)
11. *Касьянов Г.* Изобретая жертвы. Почему политические игры вокруг Голодомора дискредитируют память о трагедии // «Фокус», 27.11.2021 (<https://focus.ua/opinions/499125-izobretaya-zhertvy-pochemu-politicheskie-igry-vokrug-golodomora-diskreditiruyut-pamyat-o-tragedii>)
12. *Кафка Дж.* Множественная реальность в клинической практике. М., 2007.
13. *Кениг Х.* Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012.
14. *Лезина Е.* XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политики памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М.: НЛЮ, 2021.
15. *Май У.* Третий шаг в учении о влечениях. К истории возникновения «По ту сторону принципа удовольствия». Ижевск: ERGO, 2017.
16. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018.
17. *Подорога В.А.* Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. М.: ООО «РИПОЛ классик», 2017.

18. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А. Миллера, Д. Ефременко, СПб.: Издательство Европейского университета, 2020.
19. *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
20. *Романов И.Ю.* (2021). Несовершенство учреждений: пандемия, сексуальность и общество. Журнал клинического и прикладного психоанализа, 2(1), 99-111. (<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/12414>)
21. *Стайнер Дж., Кляйн М.* Лекции Мелани Кляйн по психоаналитической технике. М.: Научный мир, 2021.
22. Травма: Пункты. Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. Москва: НЛЮ, 2009.
23. *Фонда П.* Война и ментальное функционирование группы // Журнал практической психологии и психоанализа, 2017, №1. (<https://psyjournal.ru/articles/voyna-i-mentalnoe-funkcionirovanie-gruppy>)
24. *Фонда П.* Обсуждение доклада Александра Вучо «По ту сторону бомб и социальной нестабильности: Материалы Восточноевропейской психоаналитической конференции Восточноевропейского комитета Европейской психоаналитической федерации (21.04.-01.05.2000), Киев, 2000. (<https://bit.ly/3EXsLW2>)
25. *Фрейд З.* В духе времени о войне и смерти (1915) // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: «Фирма СТД», 2007.
26. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия (1920) // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Психология бессознательного. М.: Фирма СТД, 2006.
27. *Эппле Н.* Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛЮ, 2020.
28. *Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Изд. группа «Прогресс», 1999.
29. *Sontag S.* (2013) Regarding the Pain of Others. New York: Picador; Farrar, Straus and Giroux.
30. *Brenner C.* (2003) Commentary on Ilany Kogan's "On Being A Dead, Beloved Child". *Psychoanalytic Quarterly* 72:767-776.
31. *Wale K., Gobodo-Madikizela P., Prager J.* (eds.) (2020) Post-Conflict Hauntings Transforming Memories of Historical Trauma. Palgrave Macmillan, Belfast, UK. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39077-8>
32. *Etchegoyen H.R.* (1982) The relevance of the "here and now" transference interpretation for the reconstruction of early psychic development. *International Journal of Psycho-Analysis* 63: 65–75.
33. *Feldman M.* (2007) The illumination of history. *International Journal of Psychoanalysis* 88: 609–625.
34. *Ferro A.* (2003) Commentary on Ilany Kogan's "On Being a Dead, Beloved Child". *Psychoanalytic Quarterly* 72: 777–783.
35. *Fornari F.* (1975) *The Psychoanalysis of War.* Bloomington & London, Indiana University Press.

36. *Frosh S.* (2009) Victims are not sacrifices. In *Jewish Quarterly*, Volume 56. Issue 2. P. 32–35.
37. *Gampel Y.* (2015) Psychoanalytic reflection about Middle East crises. In *Leo, G. (ed.) (2015) Psychoanalysis, Collective Traumas and Memory Places*. Italy, Frenis Zero Press. P. 267–288.
38. *Gampel Y.* (2001) Group psychology, society and masses: working with victims of social violence. In *Person, E.S. (ed.) (2001) On Freud's Group Psychology and the Analysis of the Ego*. London, Routledge. P. 129–154.
39. *Garland C.* (1998) Thinking About Trauma. In: *Garland, C. (ed) (2002) Understanding Trauma. A Psychoanalytical Approach*. Second enlarged edition. London, Karnack Books. P. 9–31.
40. *Glover E.* (1933) *War, Sadism and Pacifism. Three Essays*. London, George Allen & Unwin LTD.
41. *Gomolin R.P.* (2019) Response to Commentaries on “The Intergenerational Transmission of Holocaust Trauma: A Psychoanalytic Theory Revisited”. *Psychoanalytic Quarterly* 88: 583–599.
42. *Gomolin R.P.* (2019) The Intergenerational Transmission of Holocaust Trauma: A Psychoanalytic Theory Revisited. *Psychoanalytic Quarterly* 88: 461–500.
43. *Hadar U.* (2009) Burning memories: sacrifice and the historical unconscious. In *Jewish Quarterly*, Volume 56. Issue 2. p. 30–32.
44. *Jaques E.* (1953) On the Dynamics of Social Structure. A Contribution to the Psychoanalytical Study of Social Phenomena Deriving from the Views of Melanie Klein. In *Human Relations* 6: 3–24, 1953.
45. *Joseph B.* (1975) The patient who is difficult to reach. In *Joseph, B. (1989) Psychic Equilibrium and Psychic Change: Selected Papers of Betty Joseph*. London & New York, Tavistock & Routledge. P. 75–87.
46. *Kogan I.* (2003) On Being a Dead, Beloved Child. *Psychoanalytic Quarterly* 72:727-766.
47. *Kogan I.* (2018) *Escape from Selfhood: Breaking Boundaries and Craving for Oneness*. London, Routledge.
48. *Kogan I.* (2019) Holocaust Studies and the Nature of Evidence: Commentary on Gomolin’s “The Intergenerational Transmission of Holocaust Trauma: A Psychoanalytic Theory Revisited”. *Psychoanalytic Quarterly* 88: 525–540.
49. *Leo G. (ed.) (2015) Psychoanalysis, Collective Traumas and Memory Places*. Italy, Frenis Zero Press, p. 267–288.
50. *Masson J.* (1984) *The Assault on Truth. Freud’s Suppression of the Seduction Theory*. New York, Ballantine Books.
51. *Money-Kyrle R.* (1941) The Psychology of propaganda. In *Money-Kyrle R. (1978) The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. London, Clunie Press. P. 160–175.
52. *Money-Kyrle R.* (1951) Some aspects of state and character in Germany. In *Money-Kyrle, R. (1978) The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. London, Clunie Press. P. 229–244.
53. *Money-Kyrle R.* (1955) Psycho-analysis and ethics. In *Money-Kyrle R. (1978) The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. London, Clunie Press. P. 264–284.

54. *Pushkarova T.* (2020) Ruined lives: Repressions in the Soviet Union. *Rom J Psychoanal*, 13(2): 131–156.
55. *Rosenfeld H.* Afterthought: changing theories and changing techniques in psychoanalysis. In: *Rosenfeld, H.* (1987) *Impasse and Interpretation. Therapeutic and Anti-Therapeutic Factors in the Psychoanalytic Treatment of Psychotic, Borderline and Neurotic Patients.* London, Tavistock Publications Ltd. Ch. 13. P. 265–280.
56. *Segal H.* (1987) Silence is the Real Crime. *International Review of Psychoanalysis* 14: 3–12.
57. *Segal H.* (2007) *Yesterday, Today and Tomorrow.* London & New York, Routledge.
58. *Shapira M.* (2013) *The War inside Psychoanalysis, Total War, and the Making of the Democratic Self in Postwar Britain.* Cambridge University Press.
59. *Volcan V.D., Ast G., Greer W.F.* (2002) *The Third Reich in the Unconscious. Transgenerational Transmission and its Consequences.* New York, London, Brunner-Routledge.
60. *Weiss H.* *Trauma, Guilt and Reparation. The Pass from Impasse to Development.* London, Routledge, 2020.
61. *Williams G.* (1997) *Internal Landscapes and Foreign Bodies. Eating Disorders and Other Pathologies.* New York, London, Routledge.

Collective traumas – personal overcoming To memory of T.N. Puskarova

I. Yu. Romanov

Romanov Igor Yuryevich, a training analyst of Ukrainian Psychoanalytic Society (IPA study-group), psychologist, Ph.D., Associate Professor of J.B. Shadt department of theoretical and practical philosophy of V. N. Karazin Kharkiv National University philosophical faculty. An editor and a compiler of book "Era of countertransference", an editor of translation of M. Klein, R. Hinshelwood's, J. Steiner's and other books, a Head of Ukrainian Kleinian seminars program, supported by Melanie Klein Trust.

The paper is dedicated to memory of Ukrainian psychoanalyst T. N. Pushkarova and her contribution to investigation of traumatic experience on individual and social level. It contained a short review of psychoanalytic trauma theories and the theory of transgenerational transmission of traumatic experience. There are an investigation of difficulties of psychoanalytic work with traumatized patients and a clinical example of such work in the paper. It is suggested a necessity of simultaneous attention to historical experience, repetition in transference and to unconscious phantasy. A special attention is paid to the necessity of transference, countertransference and enactments analysis in the situation of analyst's and patient's involvement in common social context. In relation to that it considers the psychoanalytical contribution to understanding and overcoming of historical traumas, the concept of paranoid elaboration of mourning and the conditions of social thinking of traumatic experience, such as an elimination of existential threats and identity threats. Some positive examples of common traumatic experience comprehension are described, as well as some breakdowns of such process in contemporary Ukraine and Russia.

Keywords: T. N. Pushkarova, trauma, historical trauma, transgenerational transmission, psychoanalytic theory of trauma, social defenses and elaboration of traumatic experience, paranoid elaboration of mourning.